

УДК 821.161.1-1(Бродский И.)
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)63-8,445

ГСНТИ 17.82.90

Код ВАК 10.01.08

Т. В. Зверева

Ижевск, Россия

**ВИДИМОЕ И НЕВИДИМОЕ: ЕЩЕ РАЗ ОБ ОПТИКЕ И. БРОДСКОГО
(рец на кн.: Автухович Т. «“Шаг в сторону от собственного тела...”
Экфрасисы Иосифа Бродского». — Siedlce, 2016. — Т. X. — 268 s.)****Ключевые слова:** постмодернизм, экфрасисы, русская поэзия, поэтическое творчество, рецензии, нарратив.

T. V. Zvereva

Izhevsk, Russia

**VISIBLE AND INVISIBLE: ONCE AGAIN ABOUT J. BRODSKY'S OPTICS
(Avtuhovich T. «“The step aside from own body...”
J. Brodsky's Ekfrasisy». — Siedlce, 2016. — Т. X. — 268 s.)****Keywords:** postmodernism, ekphrasis, Russian poetry, poetry, reviews, narrative.

Открывая свою новую книгу об Иосифе Бродском, Татьяна Автухович пишет, что творчество поэта определяется ситуацией «fin de siècle», когда все слова уже сказаны (С. С. Аверницев). Современное литературоведение также оказалось в ситуации «fin de siècle»; очевидный кризис гуманитарных наук обусловлен не только внешними социально-историческими факторами, но и куда более серьезными (внутренними) причинами. «“Шаг в сторону от собственного тела...”» — одно из тех редких на сегодняшний день исследований, которое не оставляет после прочтения чувства «мира после конца»: автор удерживает веру в необходимость филологии. Несмотря на «онтологическую неуютность» созданного Бродским мира книга Татьяны Автухович несет в себе положительный заряд, получаемый читателем от блестящего литературоведческого анализа.

Леонид Геллер назвал Бродского «самым экфрастичным» поэтом XX века. Однако это утверждение, высказанное в 2002 г., нуждалось в доказательствах и уточнениях. Последние годы были отмечены появлением целого ряда статей о живописности Бродского. Посвященные самым разным аспектам визуальности, эти исследования не решали главной проблемы — не выявляли системного характера обращений поэта к живописи. Монография Татьяны Автухович впервые ставит вопрос об эволюции экфрасиса в творчестве Бродского, связывая ее не только с внутренней биографией поэта, но и с теми изменениями, которые происходили в его поэтике. Идеальным итогом чтения экфрасиса, по мнению автора, «выступает экспликация его потаенного метафизического (авторского представления о Бытии), экзистенциального и металитературного содержания» [с. 55].

Первый раздел монографии («Неизбежность экфрасиса») обращен к теоретическому обоснованию ключевого термина и обобщению темы «Бродский и живопись». Привлекая самый различный материал (стихотворения, эссе, статьи, интервью, высказывания), исследователь выявляет актуальный живописный контекст (Пьеро делла Франческа,

Джованни Беллини, Андрея Мантенья, Джотто, Брейгель, Каналетто, Сассета, Дюфи, Вьюяр, Бонар, Поллок и пр.). Обширные познания Бродского в области живописи обусловили чрезвычайно развернутый аллюзивный фон его творчества. При этом прямые упоминания имен художников или названий их полотен встречаются не так часто. Подобная закономерность рассматривается Т. Автухович как проявление внутренних механизмов поэтики Бродского — «стремлением к неочевидному высказыванию» [с. 29]. Уход от прямой живописной «цитаты» обусловлен ясным пониманием, что реальность не сводима ни к одной из запечатленных форм. Даже когда поэт обращался к конкретным артефактам, как, например, в стихотворении «Иллюстрация (Л. Крапах. Венера с яблоками)», происходил намеренный уход от точности воспроизведения (подлинное название картины Крапах — «Мадонна с младенцем под яблоней»). Эта знаковая «ошибка» Бродского как нельзя лучше демонстрирует «поэтику отказа»: поиск особого типа поэтического высказывания, вырывающегося за пределы и «диктата языка», и «диктата картины».

Во втором разделе («Диалог с культурой: метафизика любви и творчества») развернута убедительная гипотеза об «экфрастических импульсах» Бродского. Т. Автухович обращает внимание на принципиальную неэкфрастичность ранней поэзии, для которой характерно гармоничное восприятие действительности. Рождение нового языка, ориентированного на материализацию пластических форм реальности, напрямую связывается исследователем с разрывом с М. Б. и мучительным преодолением внутренней драмы на протяжении всех последующих десятилетий. В данной части книги рассмотрены шесть стихотворений поэта, относящихся к разным периодам творчества: «Иллюстрация (Л. Крапах. «Венера с яблоками»), «Фонтан», «Натюрморт», «На выставке Карла Вейлинка», «Посвящается Пиранези», «Ritratto di donna». Эти произведения впервые приведены к единому смысловому знаменателю и проанализированы как «единый текст». Именно через поэтический экфрасис осуществляется

процесс самопознания: «Встреча с произведением искусства является для Бродского поводом для авторефлексии, для осмысления собственного жизне-текста, своего художественного языка» [с. 35]. Многочисленные живописные полотна становятся «автопортретами». В данном смысловом контексте поэзию Бродского можно уподобить живописи Рембрандта (о связи Бродского с Рембрандтом речь пойдет в третьем разделе книги): на протяжении всей своей жизни голландский художник писал собственные автопортреты, Бродский также постигал свое «Я» через «живописно-поэтические картины».

От текста к тексту исследователь прослеживает самый сложный духовный путь поэта. Апокалиптическое ощущение конца истории и конца христианской эпохи, позиция венаходимости по отношению к жизни, катастрофическая сущность времени, кальвинистская доктрина, ситуация «fin de siècle», поиск спасительных альтернатив, — об этом уже не раз говорили пишущие о Бродском. Однако в монографии предложен принципиально новый угол зрения — внутренние искания поэта выявлены исключительно через призму оптического модуса. Обращение к живописным картинам оказывается для Бродского не столько способом избыть боль, сколько высказать сокровенно-невывразимое, находящееся за пределами языка.

Третья часть книги обращена к различным аспектам проблемы визуальности в творчестве Бродского. В отличие от предыдущего раздела заключительные главы в меньшей степени связаны друг с другом, но все они расширяют проблемное поле исследования, намечают новые горизонты изучения поэтики. В центре внимания оказываются визуальные аспекты советского дискурса, сопоставительный анализ «Рождественской звезды» Б. Пастернака и И. Бродского в свете условного экфрасиса, «рембрандтовский текст» русской поэзии XX века, включающий в себя разбор знаменитого стихотворения «Рембрандт. Офорты». Завершает раздел обобщающая статья «Поэтика визуальности в экфрасисах Бродского». Здесь Т. Автухович еще раз суммирует и дополняет результаты своего исследования, доводя формулировки до отточенных изречений: «Экфрасис — портрет души автора, точнее — автопортрет, в котором он видит и осознает себя как Другого, что Бродский с присущей ему афористической четкостью выразил формулой “Шаг в сторону от собственного тела...”» [с. 242].

Данные об авторе

Татьяна Вячеславовна Зверева — доктор филологических наук, профессор, Удмуртский государственный университет (Ижевск).

Адрес: 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.

E-mail: tvzver.1968@yandex.ru.

About the author

Tatyana Vyacheslavovna Zvereva is a Doctor of Philology, Professor of Udmurt State University (Izhevsk).

В целом поэтика экфрасистичности представлена как «постепенное увеличение зоны молчания, не артикулированного, а подразумеваемого смысла» [с. 243]. «Шаг-в-не-слова» (М. Бланшо) — закономерный итог, к которому приходит всякий большой поэт. В своем пределе экфрасис преодолевает не столько язык, сколько его оптику, направляющую человеческое зрение (неназванные вещи невидимы) и предопределяющую формы реальности. Поэзия Бродского выходит за пределы «диктата языка» в сферу *чистого видения*, в ту сокровенную область, где происходит встреча человека с реальностью, еще не опосредованной словом. Именно действием этих скрытых механизмов, с точки зрения исследовательницы, и обусловлена эволюция художественной системы Бродского.

Безусловно, смысловой потенциал вошедших в книгу статей не ограничивается обозначенными выше смыслами, он в значительной степени превосходит их, тем более что ее автор постоянно заостряет внимание на осциллирующей образности Бродского, на принципиальном ускользании смысла от читателя. Научная ценность рецензируемой книги определяется не только новизной общей концепции, но и множеством высказанных в ней частных замечаний, во многом уточняющих устоявшиеся представления о стихах. Мужество поэта — обнажить то, что прячется за словами; мужество исследователя — пройти этот путь вместе с поэтом и сформулировать поистине трагические смыслы, неотделимые от мироотношения Бродского («Вот это и зовется “мастерство”: / способность не страшиться процедуры / небытия как формы своего / отсутствия, списав его с природы»).

Автору монографии счастливым образом удается избежать и перегруженности научной терминологией (порождающей подчас ощущение псевдо научности) и столь модной сегодня эссеистичности. «Этическая подлинность» исследования, о которой все чаще забывает современная филология, обеспечивается той честностью, с какой исследователь подводит итоги своему многолетнему труду: «Независимо от того, найдут ли признание предложенные в ней (книге. — Т. З.) интерпретации, общение с Бродским и его собеседниками, воплощенная в экфрасисах его духовная биография много дали мне как человеку» [с. 11]. Именно этот «опыт о человеке» и является истинным мерилем всякого гуманитарного исследования.